

ИЛИИНА КРЮКОВА

БЕРА

Елена Крюкова

Вера

«Издательские решения»

Крюкова Е.

Вера / Е. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968111-9

Человеку дана Богом жизнь. И дан выбор. Между надеждой и отчаянием. Между верой и насмешкой. Между любовью и ненавистью. Поэт выбирает любовь. В ней — его вера и его путь. Новая книга стихотворений Елены Крюковой обращена к самым важным вопросам бытия, к самым огненным его архетипам.

ISBN 978-5-44-968111-9

© Крюкова Е.
© Издательские решения

Содержание

ПЛАМЯ В НОЧИ	6
Псалом первый	6
Пасхалия	8
Проскомидия	10
Марина, продавщица свечей	12
«Я уповаю на Тебя рвут марлю с выдохом и хрустом...»	13
Боярыня Морозова	15
Погорельцы	18
Поклонение волхвов в снегопаде	20
Север. Звезды	23
Укрощение бури	25
Восшествие на Голгофу	27
Снятие со Креста	29
Псалом второй	30
Хождение по водам	32
Неверие Фомы	34
Арена	36
Мать Мария	37
Иов	39
Богоматерь Владимирская. Икона	40
«Тяжело спустить с постели ноги странно тело так мало...»	41
Мужик с голубями	42
«...моя ненастная паломница...»	43
Душа летит над землей. Неоконченная картина	45
Молитва о прощении совершившему зло	47
Ход юродивой Ксении по облакам	50
«Весь век мой высечен. Изрезан до кости...»	51
Птица	54
Ксения расписывает часовню свою кровью	55
Ксения на фреске	57
Молитва о плавающих и путешествующих	58
Ксения Блаженная (Петербургская)	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера

Елена Крюкова

© Елена Крюкова, 2019

ISBN 978-5-4496-8111-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЛАМЯ В НОЧИ

*«По тому узнают все, что вы – Мои ученики,
если будете иметь любовь между собою».*

Евангелие от Иоанна, гл. 13, стих 35

Псалом первый

*Господи больно мне
Господи шелест все ближе
Ангельских крыльев
Не в огне
На зимнем окне Тебя вижу
На слюде дымном холодном стекле
Бабочкой что проснулась больно и рано
А в ночи в ледяной истомленной мгле
Далеко болит рассвета рваная рана
Небу больно
Больно святым снегам
На полмира раскинулись перед глазами
Господи мне отмщенье и аз воздам
Всем воздам: огнями кровью слезами
Всем что в мире ни есть мое
А моего в мире Господи ничего и нету
Я всего лишь на веревке Твое святое белье
На ветру мотаюсь по белу свету
Я всего лишь полотно снежная плащаница Твоя
Пусть Тебя в меня завернут
пропитаются кровию складки
И вберу Твою боль
Боль это свет бытия
Лягу тканью холстиной на лоб Твой
чистый и гладкий
Все впитаю Твое все обвяжу обниму
Твой ужас крик одиночество жалобу милость
Твое копьё под ребро в снеговом дыму
Твой стон в облака: неужели это свершилось
А потом Ты выйдешь смеясь пройдешь сквозь меня
Плащаница тающим снегом свернется во мраке гроба
И восстанешь снопом сиянья стогом огня
Меня окровавленную дерюгу не вспомнить чтобы
Господи больно
А зимняя бабочка хочет взлететь
А я еще жить хочу хоть не отстирать от Твоей крови
Жизни что вся прожита не на половину не на треть*

*Не отмывать от злобы чужой и от родной любви
Господи Господи Ты лишь один и есть
Грядущий Рассвет во тьме внутренней и кромешной
Хлеб мой насыщенный даждь мне днесь
Мне малой грешной великой безбрежной
Мне свободному морю мне Твоей вольной земле
Мне нет не мне а всем другим мне не надо
я так просто я с краю
Господи
Свеча горит на столе
Слезы глотаю
Уповаю
Молюсь
Улыбаюсь
Живу
Умираю*

Пасхалия

Сияющая, пламенная, солнечная Пасха!
Сверкающая, сбывшаяся, подлинная сказка —
Отверстые врата в любовь под облачную сенью,
Кагор, Твоя святая кровь, во славу Воскресенья.
Тебе Христос воскрес! Нам всем, зверью и люду!
Мария Магдалина, о, тебя не позабуду —
Тебе явился ясный огонь, и ветер, целуя пламя,
Все слышал, как ты плачешь,
    все знал, что будет с нами.
Катай же на ладони яйцо в кровавой краске!
И подними лицо к Тиберью в детской ласке —
И руку протяни, и он возьмет, пылая
Стыдом и любопытством, как на пороге Рая.
Ах, римский император! Нет о тебе помину.
Господь-то Пантократор под куполом раскинул
Крестообразно руки – мозаика искрится,
А за плечами Бога – все лица, лица, лица...
А птицы так поют в ветвях!
    Захлебно и хрустально!
Далёко Страшный Суд! Впотьмах!
    Черно и чужедально!
А тут весенний царский день,
    цветней алмазной грани —
И вдруг... Креста наляжет тень
    крылами покаяний...
Да, ты Голгофы не забудь! Гроза грохочет в спину.
Огнем под ноги ляжет путь, Мария Магдалина!
Яйцо, и пасха, и кулич, освящены, всесильны, —
Настанет день – взовьется клич
среди холмов могильных!
И кости мертвые, восстав, оденутся телами.
И друг на друга поглядим горящими очами!
Да, люди, – только свечи мы, возожжены без чада,
Пылаем средь пещерной тьмы безумным водопадом!
Да, только миг один горим! Нам меда, воска мало!
Взахлеб о счастье говорим! И без конца-начала,
Навек обнявшись, летим, от праздника-веселья —
Туда, где звезд парчовый дым, в объятья Воскресенья!
Дай, Магдалина, мне яйцо! Рыдая и ликуя,
Я освящу твое лицо трикраты – поцелуем.
Глазами, плача, освещу, благословлю устами,
Сплетемся, крепко обнявшись, горячими крестами!
Да, человек – то крест живой!
Живейший, изначальный!
А облако над головой – что нимб многострадальный!

Но, попирая смерть и боль небесными стопами,
Ты радуйся! Господь с тобой! Господь со всеми нами!
Ты радуйся! И ты живи! И Пасху праздной снова —
На самом краешке любви, вне выдоха и слова,
А только светом слезных глаз, христосуясь, целуя
Один, другой и третий раз, рыдая и ликуя,
Под нежной майскою листвою, ее зеленым клеем,
Покуда веруем, живем, и любим, и жалеем.

Проскомидия

Снега на улице покаты.
И ночь чугунно тяжела.
Что ж, настает мой час расплаты —
За то, что в этот мир пришла.
Горит в ночи тяжелый купол
На белом выгибе холма.
Сей мир страданием искуплен.
Поймешь сполна – сойдешь с ума.

Под веток выхлесты тугие,
Под визг метели во хмелю
Я затеваю Литургию
Не потому, что храм люблю.
Не потому, что Бог для русской —
Всей жизни стоголосый хор,
А потому, что слишком узкий
Короткий темный коридор,
Где вечно – лампа вполнакала,
Соседок хохот и грызня...
Так жизни мало, слишком мало,
Чтоб жертвовать куском огня.
Перед огнем мы все нагие —
Фонарный иль алтарный он...
Я подготовлюсь к Литургии
Моих жестоких, злых времен.
Моих подземных переходов.
Моих газетных наглых врак.
И детдомов, в которых годы
Детей – погружены во мрак.
Моих колымских и алданских,
Тех лагерей, которых – нет...
И бесконечных войн гражданских,
Идущих скоро – сотню лет.

Я подготовлюсь. Я очишусь.
Я жестко лоб перекрещу.
Пойду на службу малой нищей,
Доверясь вьюжному плащу.
Земля январская горбата.
Сковала стужа нашу грязь.
Пойду на службу, как солдаты
Шли в бой, тайком перекрестясь.
И перед музыкой лучистой,
Освободясь от вечной лжи,
Такой пребуду в мире чистой,

Что выслушать – не откажи!
И может быть, я, Божье Слово
Неся под шубой на ветру,
Его перетолкуя, снова
За человечью жизнь помру.
И посчитаю ЭТО чудом —
Что выхрип, выкрик слышен мой,
Пока великая остуда
Не обвязала пеленой.

Марина, продавщица свечей

...А на улицу выйду – и лупят снега
По щекам, по плечам, по рукам!
У девчоночки в черном больная нога:
Чуть хромая, проходит во храм.

То Марина идет, продавщица свечей.
Сивцев Вражек возлюбит ее
Лишь за то, что глядела она горячей,
Чем глаголит о том Бытие.

Пусть монеты играют на грязном столе!
Пусть свечные молчат языки!
Продавщица свечей на холодной Земле,
Дай нам свет из костлявой руки.

И тогда близ груди мы его понесем,
Загадаем, чтоб долго горел...
Ни себя, ни любимых уже не спасем.
Со свечою пойдем на расстрел.

Со свечою пройдем, в колыбели двух рук
Сохраняя дитя от ветров...
И не страшно уже напророченных мук.
Мир стальной обнажен и суров.

А Марина стоит за церковным столом,
Раздавая негаснувший свет,
И, дрожа, ее пальцы исходят теплом,
Словно диски далеких планет.

И когда ее руки расхожю медь
Обменяют на стволлик свечи, —
Я пойму, что не так тяжело умереть,
Как без пламени – выжить в ночи.

«Я уповаю на Тебя рвут марлю с выдохом и хрустом...»

Я уповаю на Тебя рвут марлю с выдохом и хрустом
Рвут бинт страданием слепя
в палате чисто чудно пусто
В палате глухо ледяно
на помощь звать не хватит крика
Я позабыла так давно улыбку сестринского лика
Звон скальпелей и вилок звон
на бедной памятной године
Я лишь исполнила закон —
проплыть под синевой на льдине
И снизу дышит синева и сверху рушится и льется
И я плывя дыша едва ладонь тяну слепому солнцу
Я уповаю на Тебя не постыжуся не отрину
Дрожит соленая губа сухую простыню – под спину
Моя держава бытие Спаситель мой и Защититель
Одно прибежище мое одна суровая обитель
Вот доигралась на врага я безоружна выходила
Сама себе не дорога живое жалкое кропило
Разбрызгивала соль и свет и боль и радость и рыданье
Кричала людям: смерти нет
хрипела в позднем покаянье
Летела за Тобой во Ад уподобляясь снежным хлопьям
Дороги не было назад а я по кольям шла по копьям
А нынче кетгут мертвый бинт
и острый нож чужой умелый
А я живой железный винт весь от мороза поседелый
Меня загнали в темный паз меня вворачивают туго
Во время слишком тесный лаз
чтоб крепко там обнять друг друга
А может держится на мне вся эта жестяная лодка
И не окажемся на дне и улыбнемся дивно кротко
Мне больно выгибаюсь я ору мечусь мне ловят руки
Ты Боже вся моя семья не вынесу с Тобой разлуки
Возьми что хочешь отними остави круглой сиротою
Но Ты иди между людьми ко мне – легчайшею стопою
Но Ты мне руки протяни боль обрати в тугое пламя
В палате чистой мы одни
в Твоем пустом и голом храме
Здесь росписей навеки нет
Здесь только мы под конхой плачем
За литургией звезд планет
И я гляжу лицом незрячим
Лишь на Тебя лишь на Тебя
как больно с болью нету сладу
Господь прибежище судьба

любовь и крепость и отрада
Разбей меня я Твой сосуд расколоти – Себе на счастье
Но рвут бинты и нож несут —
разрезать сердце мне на части
И пересохшею губой вылепливаю плача нити
Господь мой я всегда с Тобой и на Голгофе и в зените
И коль пройдешь во тьме палат
меня в стерильный снег вминая
Пятой
Тебе я крикну: Свят
И Ты прошепчешь мне: Родная

Боярыня Морозова

...И розвальни! И снег, голуба, липнет
сапфирами – к перстам...
Гудит жерло толпы. А в горле – хрипнет:
«Исуса – не предам.»

Как зимний щит, над нею снег вознесся —
и дышит, и валит.
Телега впереди – страшны колеса.
В санях – лицо горит.

Орут проклятья! И встает, немая,
над полозом саней —
Боярыня, двуперстье воздымая
днесь: до скончанья дней.

Все, кто вопит, кто брызгает слюною, —
сгниют в земле, умрут...
Так, звери, что ж тропую ледяною
везете вы на суд

Ту, что в огонь переплавляла речи!
и мысли! и слова!
И ругань вашу! что была Предтечей,
звездой Покрова!

Одна, в снегах Исуса защищая,
по-старому крестясь,
Среди скелетов пела ты, живая,
горячий Осмоглас.

Везут на смерть. И синий снег струится
на рясу, на персты,
На пятки сбитенщиков, лбы стрельцов, на лица
монашек, чьи черты

Мерцают ландышем, качаются ольхою
и тают, как свеча, —
Гляди, толпа, мехами снег укроет
иссохшие плеча!

Снег бьет из пушек! стелется дорогой
с небес – отвес —
На руку, исхудавшую убого —
с перстнями?!.. без?!.. —

Так льется синью, мглой, молочной сладью
в солому на саях...

Худая пигалица, что же Божьей властью
ты не в венце-огнях,

А на соломе, ржавой да вонючей,
в чугунных кандалах, —
И наползает золотою тучей
собора жгучий страх?!..

И ты одна, боярыня Федосья
Морозова – в миру
В палачьих розвальнях – пребудешь вечно гостья
у Бога на пиру!

Затем, что ты Завет Его читала
всей кровью – до конца.
Что толкованьем-грязью не марала
чистейшего Лица.

Затем, что, строго соблюдая обряды,
молитвы и посты,
Просфоре черствой ты бывала рада,
смеялась громко ты!

Затем, что мужа своего любила.
И синий снег
Струился так над женскою могилой
из-под мужицких век.

И в той толпе, где рыбника два пьяных
ломают воблу – в пол-руки!.. —
Вы, розвальни, катитесь неустанно,
жемчужный снег, теки,

Стекай на веки, волосы, на щеки
всем самоцветом слез —
Ведь будет яма; небосвод высокий;
под рясою – Христос.

И, высохшая, косточки да кожа,
от голода светясь,
Своей фамилией, холодной до дрожи,
уже в бреду гордясь,

Прося охранника лишь корочку, лишь кроху
ей в яму скинуть, в прах, —
Внезапно встанет ослепительным сполохом —
в погибельных мирах.

И отшатнутся мужички в шубенках драных,
ладонью заслоня
Глаза, сочащиеся кровью, будто раны,
от вольного огня,

От вставшего из трещины кострища —
ввысь! до Чагирь-Звезды!.. —
Из сердца бабы – эвон, Бог не взыщет,
Во рву лежащей, сгинувшей без пищи,
без хлеба и воды.

Горит, ревет, гудит седое пламя.
Стоит, зажмурясь, тать.
Но огонь – он меж перстами, меж устами.
Его не затоптать.

Из ямы вверх отвесно бьет! А с неба,
наперерез ему,
Светлей любви, теплей и слаще хлеба,
снег – в яму и тюрьму,

На розвальни... – на рыбу в мешковине... —
на попка в парче... —
Снег, как молитва об Отце и Сыне,
как птица – на плече...
Как поцелуй... как нежный, неутешный
степной волчицы вой... —
Струится снег, твой белый нимб безгрешный,
расшитый саван твой,
Твоя развышитая сканью плащаница,
где: лед ручья,
Распяты над бугром...
И – катят розвальни. И – лица, лица, лица
Засыпаны
Сребром.

Погорельцы

Тянет руку мне тельце...
В шаль закутаю туго...
Мы теперь погорельцы —
мы сцепились друг с другом.

Полыхало седельце крыши —
дрождю по скатам...
Мы теперь погорельцы —
мы подобны солдатам.

Ноздри мир выест гарью.
Очи мир солью выест.
Между злыми снегами
наш возок – Царский выезд:

Сундучишко распятый, узелишко дорожный...
А куда нам, ребята?!.. – и сказать невозможно...

Побредем по землище,
где монетами плотют.
Сядем в рубище нищем
среди толпы – ты не против?.. —

У дворца, где умельцы расписали колонны
Матюгом... – погорельцы!.. Оборван-охламоны...

Будем клянчить усердно, будем петь вам колядки.
Ах, народ ты наш скверный, накидай без оглядки

Нам в корзины-баулы всякой снеди пресладкой!..
Ветер – рыбою снулой. Крестим лица украдкой.

Нам землицы-земельцы уж не нюхать родимой.
Мы теперь погорельцы. Мы – навеки и мимо.

Не ори ты, младенец, ш-ш!.. – в зареванной шали...
Помни: ты погорелец. В тебя звезды дышали.

На излете причала, на пороге вокзала
Пальцы жгла я свечами – я тебя пленала.

И просила дары я – хлебца, сальца кусочек!
И молила: Мария, голодал Твой Сыночек...

Этот голод великий, мы стрельцы-огнестрельцы...

О Пречистая! Ликом наклонись: погорельцы!

Стынь-страна – в пол-объятя,
чернь-страна – в масле дуло...
Под каким ты проклятьем,
породившись, уснула?!..

На вокзальном пороге грудь даю ребятенку —
Погорельские боги!.. – как немому котенку...

Перевязана накрест волглой, вытертой шалью,
Белка, беженка, выкрест, кормлю ляльку печалью...

Кормлю мерзлую далью, кормлю близью угрюмой —
Хоть бы корку подали, вы, жулье, толстосумы!

Вы, проводшие кабель жирных дел под землю.
Вы, звон денежных сабель сыпля над головою

Ваших узников кротких, вороша головешки...
О, подайте!.. – селедку иль горбушку, картошку...

ТАМ – сгореть без прописки. Бог не взыщет по праху.
ЗДЕСЬ – лакать нам из миски, утираться рубахой.

Отвернулась от шали – кто-то выдохнул рядом...
Повернулась: ох, зябко: золото, смирна и ладан.

Поклонение волхвов в снегопаде

Снега упорные мели
и мощно и печально пели,
Когда на сем краю земли,
в еловом, выставшем приделе,
Среди коров, среди овец,
хлев освещая ярким телом,
В тряпье завернутый, Малец
сопел и спал на свете белом.
Я на коленочках Его
держала... Было очень больно
Сидеть... Но было торжество
отчаянно и колокольно!
Старуха, супротив меня,
слезясь глазами, быстро пряла...
А овцы грелись близ огня —
таких овец я не видала:
Как снеговые горы, шерсть!..
В отверстой двери плыли звезды...
Морозом пахли доски, жечь
и весь печной подовый воздух.
Обрызгал мальчик пелены...
(На них – мешок я изорвала...)
И бубенцы были слышны —
волхвы брели, я поджидала...
Они расселись круг меня.
Дары выкладывали густо:
Лимоны – золотей огня,
браслеты хитрого искусства,
И кольца золотые – вот! —
на леску – рыбой нанизали,
Варенье из лесных смород,
а как варили – не сказали...
Склонили головы в чалмах,
как бы росистые тюльпаны,
И слезы в их стоят глазах,
и лица – счастьем осиянны:
«Живи, Мария! Мальчик твой —
чудесный мальчик, не иначе:
Гляди-ка – свет над головой,
над родничком!..» А сами плачут...

Я их глазами обвожу —
спасибо, милые, родные!..
Такого – больше не рожу
в метелях посередь России...

Что, арапчонок, смотришь ты,
косясь, замерзнув, исподлобно?!..
Младенцы наши – вот цветы:
в снегах да во поле сугробном!..
И дуют, дуют мне в скулу —
о, я давно их поджидала! —
Собой пропарывая мглу,
ветра с Ветлуги и Байкала,
Ветра с Таймыра и Двины,
ветра с Урала, Уренгоя,
С Елабуги, Невы, Шексны, —
идут стеной, рыдая, воя...
Изветренная ты земля!
Ты, вся продрогшая сиротски!
Ты – рваный парус корабля,
мазут машинный топки флотской...
И в то скрещение ветров,
в те слезы без конца-без краю,
В ту нашу ночь без берегов —
пошто я Сына выпускаю?!
И вот уж плачу! А волхвы,
стыдясь меня утешить словом,
Суют небесной синевы
громадный перстень бирюзовый
И шепчут так: «Носи, носи!..
Ведь бабам бирюза – от сглазу!..»
Ну, коли так, – меня спаси!..
А не спасешь – так лучше сразу...

А будет горе – знаю я.
Его к доскам прибьют гвоздями.
И будет вся моя семья —
тоска меж сохлыми грудями.
Лицо ногтями разорву.
Прижмуся ко Кресту главою.
И, словно чей-то труп – во рву, —
себя увижу... молодою,
Увижу снег, и теплый хлев,
пеленки мешковины хлебной,
Зубами как блестел, присев,
волхвинный царь с травой целебной...
И тельце Сына в пеленах,
как спелый абрикос, сияет,
И на ладонях-облаках
кровоаво звезды не зияют,
И сено пряное шуршит,
и тяжело вздыхают звери,
И снег отчаянно летит
в дубовые, медвежьи двери.

Север. Звезды

Как белые кости, как пальцы скелета,
Впиваются скалы в прибой.
Здесь плечи земли лишь Сияньем согреты.
Небесный – ночью – блещет бой.
Как я умирала, как я возрождалась —
Лишь знает бессмертный мой Бог.
Меня Он – людскую последнюю жалость —
Над зимней пустыней возжег.
Течет Плащаница над сизою тундрой.
Бьют копыя в грудь земли.
Хрипеть уже – больно. Дышать уже – трудно.
Все звезды в гортань мне втекли.
И я, как гигантский тот Сириус колкий,
Тот страшный, цветной осьминог,
Вошла во предсердие мира – иголкой —
Одна! Ибо всяк одинок.
Все крови и кости в снегах пережжены.
Затянуты все черепа
Метельною бязью. Как древние жены,
Я – пред Мирозданьем – слепа.

Вот все мирозданье: меж Новой Землею
Пролив этот – Маточкин Шар,
И в небе Медведица плачет со мною,
Струя ослепительный жар...
Да, звезды мы! Резкие – режем! – светила!
Цветные мы сабли – наш взмах!
Да, наша изникла великая сила
В бараках, раскопах, гробах!
И вот над звериным свалывшимся боком,
Над грязною шерстью земной
Пылаем, сверкаем, зажженные Богом,
В тюремной ночи ледяной!

К нам – лица. К нам – руки.
К нам – плачущи очи.
Меж них, поводырь кораблю,
Горю, древний Факел военной полночи,
Копьем черный воздух колю.
Не впишут в реестры. В анналы не впишут.
Пылаю, стоцветный алмаз.
Иссохли ладони. И ребра не дышат.
Лишь воткнут пылающий Глаз
Гвоздем ослепительным – в небо над тундрой,
Над морем Голгофским моим,

Где плакал отец молчаливо и чудно,
Глотая седеющий дым
На палубе кренистой, обледенелой,
Где зелен, как яд, пьяный лед,
Где я завещала в снега кинуть тело,
Когда дух к Огням отойдет.

Укрощение бури

Ой ты, буря-непогода – люта снежная тоска!..
Нету в белом поле брода. Плачет подо льдом река.

Ветры во поле скрестились, на прощанье обнялись.
Звезды с неба покатались. Распахнула крылья высь.

Раскололась, как бочонок, – звезд посыпалось зерно!
И завыл в ночи волчонок беззащитно и темно...

И во церкви деревенской на ракитовом бугре
Тихий плач зажегся женский близ иконы в серебре...

А снаружи все плясало, билось, выло и рвалось —
Снеговое одеяло, пряди иглистых волос.

И по этой дикой вьюге, по распятым тем полям
Шли, держась друг за друга, люди в деревенский храм.

– Эй, держись, – Христос воскликнул,
– ученик мой Иоанн!
Ты еще не пообвыкнул, проклинаешь ты буран...

Ты, Андрей мой Первозванный,
крепче в руку мне вцепись!..
Мир метельный, мир буранный —
вся такая наша жизнь...

Не кляните, не браните, не сцепляйте в горе рук —
Эту вьюгу полюбите: гляньте, Красота вокруг!..

Гляньте, вьюга-то, как щука,
прямо в звезды бьет хвостом!..
Гляньте – две речных излуки ледяным лежат Крестом...

Свет в избе на косогоре обжигает кипятком —
Может, там людское горе золотым глядит лицом...

Крепче, крепче – друг за друга!.. Буря – это Красота!
Так же биться будет вьюга у подножия Креста...

Не корите, не хулите, не рыдайте вы во мгле:
Это горе полюбите, ибо горе – на Земле.

Ибо все земное – наше. Ибо жизнь у нас – одна.
Пейте снеговую чашу, пейте, милые, до дна!..

Навалился ветер камнем. В грудь идущим ударял
Иссеченными губами Петр молитву повторял.

Шли и шли по злой метели,
сбившись в кучу, лбы склоня, —
А сердца о жизни пели средь холодного огня.

Восшествие на Голгофу

Я падаю. Погодь. Постой...
Дай дух переведу немного...
А он тяжелый, Крест святой,
да непроторена дорога —
Увязли ноги, ветер в грудь
чахоточную так и хлещет —
Так вот каков Голгофский путь!
Какая тьма над нами блещет...
Мужик, дружище, дай курнуть...
Авось махра снести боль поможет...
Так вот каков Голгофский путь:
грохочет сердце, тлеет кожа...
Ну, раз-два-взяли!.. И вперед...
уж перекладина Мне спину
Изрезала... Вон мать идет.
Мать, ты зачем рожала Сына?..
Я не виню... Я не виню —
ну, родила, так захотела,
Вовеки молится огню
изломанное бабье тело...
А Я, твою тянувший грудь,
тащу на шее Крест тесовый...
Так вот каков Голгофский путь! —
Мычат тяжелые коровы,
Бредут с кольцом в носу быки,
горит в снегу лошажья упряжь,
Бегут мальчишки и щенки,
и бабы обсуждают участь
Мою, — и воины идут,
во шрамах и рубцах, калеки,
Красавицы, что в Страшный Суд
сурью будут мазать веки, —
Цветнолоскутная толпа
середь России оголтелой:
Глазеть — хоть отроду слепа! —
как будут человечье тело
Пытать и мучить, и терзать,
совать под ребра крючья, пики...
Не плачь, не плачь, седая мать, —
их только раззадорят крики...
Солдат! Ты совесть потерял —
пошто ты плетью погоняешь?..
Я Крест несу. Я так устал.
А ты мне Солнце заслоняешь —
Вон, вон оно!.. И снег хрустит,

поет под голою пятою!..
Под Солнцем – лебедем летит!..
Да, мир спасется Красотою:
Гляди, какая Красота!
На ветке в куржаке – ворона,
И снега горькая тщета,
что жемчуг, катит с небосклона,
И в створках раковин полей —
стога – замерзлым перламутром,
И лица ясные людей —
что яблоки! – холодным утром!..

О Солнце! Мой любимый свет!
Тебя Я больше не увижу.
Мать, ты сказала – смерти нет...
А Лысая гора все ближе...
Мать, ты сказала – смерти нет!..
Зачем же ты кулак кусаешь,
Хрипя в рыданьи, в снег браслет,
волхвами *даренный*, бросаешь?!
Ну вот она, Гора! Пришли...
Кресты ворон кружат над нами.
Волос в серебряной пыли
Марии Магдалины – пламя.
Пришли. Назад не повернуть.
Я Крест Мой наземь опускаю.
Так вот каков Голгофский путь:
от края радости – до края...
Мать, ты сказала – смерти нет...
Глянь Мне в глаза. Да без обмана.
...Какой сочится тихий свет.
О мать. Ты светом осиянна.
Прости Меня. Ты знала все.
Теперь Я тоже это знаю.

Скрипит телеги колесо.
Прости меня. Прости, родная.

Снятие со Креста

Милые... Вы осторожней Его...
Руки свисают...
Колет стопу из-под снега жнитво —
Я-то – босая...
Прядями ветер заклеил мне рот.
Послушник юный
Мертвую руку на плечи кладет
Рельсом чугунным...
Снежная крупка во щели Креста
Ватой набилась...
Что ж это я, чисто камень, тверда?!
Что ж не убилась?!..
Как Магдалина целует ступню,
Жжет волосами...
Тело скорей поднесите к огню,
Шубой, мехами,
Шалью укройте, – замерз мой Сынок!
Холодно, Боже...

В наших полях и мертвец одинок.
Холод по коже.

Как кипятком, ветер потный мой лоб
Снегом окатит:
Тише!.. Кладите сюда, на сугроб —
Места тут хватит:
Я постелила рядом во полях,
Где недороды,
Где запоют, клокоча, во лучах
Вешние воды...
Вытянул руки-то... Спи, отдохни...
Ишь, как умают...
Пусть над костром, в матюгах солдатни,
В кости играют...
Что ты?! Пусти, узкоглазый чернец!..
Мне в рот не тыкай
Снег!.. Я живая... Еще не конец,
Слезы – по лику...

И неподвижно Спаситель глядит
В небо святое,
В небо, где коршуном Солнце летит
Над пустотою.

Псалом второй

*Господи, восстань в силе и славе Своей
Меж звезд и облаков
Меж морей и людей
Меж камней и железа
Меж яви и снов
Меж корон и венцов
Меж стальных кандалов
О восстани что спиши ты душе моя
На чужом берегу
На краю бытия
На сыром крупнозерном колючем песке
Где волна ледяная лижет ноги тоске
Боже мой
В любви шире руки раскинь
Ты всего лишь сарма
Ты всего лишь польнь
Ты емиан та степная родная трава
Я Тобою лицо утирала едва
На ногах устояв чуть жива чуть дыша
Ты мне родина
Ты золотая душа
Голомянкой Ты в толще Байкала скользишь
Ты великая боль
Ты великая тишь
Боже мой
Ты Собою весь мир озари
Где жила и любила
Свет идет изнутри
Вся монгольская синь
Лазуриты воды
Да на ней отпечатаны наши следы
Мой Господь вот Байкал Твой вот Хамардабан
Вот костер и огонь от шелонника пьян
И сидим мы вдвоем над последним костром
И молюсь я Тебе
Умолкающим ртом
И молюсь я Тебе
Сердцем как решето
Запахнувшись плотней все в заплатах пальто
И молюсь я Тебе все сильнее и сильнее
Господи не уходи поживи средь людей
Господи не покинь
Ни царей ни зверей
Кличь на кичку сарынь
В блеске и славе Своей
Господи утеши нас*

*Господи сколоти плот
Катят слезы из глаз
Синь под ребра течет
Голомянка ты желтою искрой черти
Поперек синевы все святые пути
А и кто там босой
Идет по воде
Мой Господь Ты со мной
Ты нигде
И везде*

Хождение по водам

Едва застыл байкальский плес,
глазастая вода, —
Как по воде пошел Христос,
по нежной кромке льда.

Как самородок-изумруд, озерной глуби гладь...
И так Он рек: – Здесь берег крут,
другого – не видать...

Карбас качало вдалеке. Курили рыбаки...
Мороз – аж слезы по щеке...
Андрей сказал: – Смотри!

Смотри, Он по водам идет! По глади ледяной!
И так прекрасен этот ход, что под Его ступней

Поет зеленая вода! И омуль бьет об лед!..
Петр выдохнул: – Душа всегда жива. И не умрет.

Гляди, лед под Его пятой то алый, будто кровь,
То розовый, то золотой, то – изумрудный вновь!..

Гляди – Он чудо сотворил, прошел Он по водам
Затем, что верил и любил: сюда, Учитель, к нам!..

Раскинув руки, Он летел над пастью синей мглы,
И сотни омулевых тел под ним вились, светлы!

Искрили жабры, плавники, все рыбье естество
Вкруг отражения ноги натруженной Его!

Вихрились волны, как ковыль! Летела из-под ног
Сибирских звезд епитрахиль, свиваяся в клубок!

А Он вдоль по Байкалу шел с улыбкой на устах.
Холщовый плащ Его, тяжел, весь рыбою пропах.

И вот ступил Он на карбас ногой в укусах ран.
И на Него тулуп тотчас накинул Иоанн.

– Поранил ноги Я об лед, но говорю Я вам:
Никто на свете не умрет, коль верит в это сам.

О, дайте водки Мне глоток, брусничкой закусить
Моченой!.. Омуля кусок – и нечего просить.

Согреюсь, на сетях усну. Горячий сон сойдет.
И по волнам Свой вспомяну непобедимый ход.

Так на Вселенском холоду, в виду угрюмых скал,
Я твердо верил, что пройду, и шел, и ликовал!

И кедр, как бы митрополит сверкающий, гудел!..

И рек Андрей: – Спаситель спит.
О, тише, тише... Пусть поспит...
Он сделал, что хотел.

Неверие Фомы

...Страна, держава гиблая —
Туманы все великие,
Вокзалы неизбывные,
Полны чудными ликами...
Да поезда товарные,
Взрывчаткой начиненные, —
Да нищие пожарные,
В огонь навек влюбленные...
Россия,
сумасшедшая!
Тебя ли петь устану я?
В грязи твоей прошедшая —
В какую святость кану я?!..
В откосы, где мальчишки жгут
Сухие листья палые,
В заводы, где, проклявши труд,
Мы слезы льем подталые?..
Полынь, емшан, седой ковыль,
Кедрач, органом плачущий, —
Да инвалидный тот костыль,
Афганский, рынком скачущий... —
Птичий базар очередей,
Котел кипящий города —
Да лица выпиты людей —
Идут, Предтечи Голода...
Пивной буфетчицы живот...
Костистые ломбардницы... —
А кто во флигеле живет? —
Да дочь наркома, пьяница...

Страна, держава гиблая!
Подвалов вонь несносная... —
Неужто – неизбывная?
Неужто – богоносная?
Неужто Ты еще придешь,
Христе наш Боже праведный,
Из проруби глоток глотнешь
Да из реки отравленной?
Гляди – не стало снегорей
И соловьиной удали, —
Гляди, Христе,
гляди скорей,
Пока мы все не умерли!..

Не верю я, что Ты придешь!

В Тебя – играли многие...
Ты просто на Него похож —
Глаза большие... строгие...
Округ главы твоей лучи —
Снега, небось, растопятся!..
А руки, словно две свечи,
Горят – сгореть торопятся...

Не верю!
Отойдите все.
Голодная, забитая,
В солярной, смоговой красе —
Земля – Тобой забытая...
И чтобы Ты явился вновь,
Во славе, не крадущийся, —
Когда Малюты жгли любовь
Церквей Твоих смеющихся?!
Не верю!..
Покажи ладонь...

Вокруг Христа сиял покой.
Из раны вырвался огонь.
И очи защитил рукой
Фома!

...Держава горькая,
Земля неутолимая —
Над водкой и махоркою —
Глаза Его любимые...

В глаза Ему – да поглядеть...
Поцеловать ладонь Ему...

...Теперь не страшно полететь
По мраку по вороньему.
Теперь не страшно песню петь —
Указом запрещенную!
Теперь не страшно умереть —
Любимому,
Прощенному.

Арена

Я молюсь за моих друзей
Я молюсь за моих врагов
И мерцает мой Колизей
Кварцем
Кровью крещеных песков

И бугрится амфитеатр
Многотысячем лбов и лиц
Друг держись сражению рад
Враг рубись и не падай ниц

Ваша битва – битва за жизнь
Меня против а может со мной
Друг ли враг ли крепись держись
Смерть она всегда за спиной

А Господь – Он над головой
Вскинь лицо
Он же в облаках
Он же Солнце
И ты живой
И тебя несут на руках

И летят на песок цветы
Храп коней и победный гром
И во имя Господа ты
Отдал жизнь а я ни при чем

И не видит ни зги Колизей
Лязг железа грохот подков
Я молюсь за моих друзей
Я молюсь за моих врагов

Мать Мария

Выйду на площадь... Близ булочной – гам,
Толк воробьиный...
Скальпель поземки ведет по ногам,
Белую глиной
Липнет к подошвам... Кто *там?*.. Человек?..
Сгорбившись – в черном:
Траурный плат – до монашеских век,
Смотрит упорно...

Я узнаю тебя. О! Не в свечах,
Что зажигала,
И не в алмазных и скорбных стихах,
Что бормотала
Над умирающей дочерью, – не
В сытных обедах
Для бедноты, – не в посмертном огне —
Пеплом по следу
За крематорием лагерным, – Ты!..
Баба, живая...
Мать Мария, опричь красоты
Жизнь проживаю, —
Вот и сподобилась, вот я и зрю
Щек темных голод...
Что ж Ты пришла сюда, встречу январю,
В гибнущий город?..
Там, во Париже, на узкой Лурмель,
Запах картошки
Питерской, – а за иконой – метель —
Охтинской кошкой...
Там, в Равенсбрюке, где казнь – это быт,
Благость для тела, —
Варит рука и знаменье творит —
Делает дело...
Что же сюда Ты, в раскосый вертеп,
В склад магазинный,
Где вперемешку – смарагды, и хлеб,
И дух бензинный?!..
Где в ополовнике чистых небес —
Варево Ада:
Девки-колибри, торговец, что бес,
Стыдное стадо?!
Мать Мария, да то – Вавилон!
Все здесь прогнило
До сердцевины, до млечных пелен, —
Ты уловила?..

Ты угадала, куда Ты пришла
Из запределья —
Молимся в храме, где сырость и мгла,
В срамном приделе...

– Вижу, все вижу, родная моя.
Глотки да крикнут!
Очи да зрят!.. Но в ночи бытия
Обры изникнут.
Вижу, свидетельствую: то конец.
Одр деревянный.
Бражница мать. Доходяга отец.
Сын окаянный.
Музыка – волком бежит по степи,
Скалится дико...
Но говорю тебе: не разлюби
Горнего лика!
Мы, человеки, крутятся и мечась,
Тут умираем
Лишь для того, чтобы слякоть и грязь
Глянули – Раем!
Вертят богачки куничьи хвосты —
Дети приюта...
Мы умираем?.. Ох, дура же ты:
Лишь на минуточку!..
Я в небесах проживаю теперь.
Но, коли худо, —
Мне отворяется царская дверь
Света и чуда,
И я схожу во казарму, в тюрьму,
Во плащ-палатку,
Чтоб от любви, вперяясь во тьму,
Плакали сладко,
Чтобы, шепча: «Боже, грешных прости!..» —
Нежностью чтобы пронзаясь до кости,
Хлеб и монету
Бедным совали из потной горсти,
Горбясь по свету.

Иов

Ты все забрал.
И дом и скот.
Детей любимых.
Жен полночных.
О, я забыл, что все пройдет,
Что нет великих царств бессрочных.

Но Ты напомнил!
И рыдал
Я на узлах, над коркой хлеба:
Вот скальпель рельса, и вокзал,
Молочно-ледяное небо.

Все умерли...
Меня возьми!
И голос грянул ниоткуда:
– Скитайся, плачь, ложись костьми,
Но веруй в чудо,
Веруй в чудо.

Аз есмь!..
И ты, мой Иов, днесь
Живи. В своей России. Здесь.
Скрипи – на милостыню старцев,
Молясь... Все можно перенести.
Безо всего – в миру остаться.

Но веруй!
Ты без веры – прах.
Нет на земле твоих любимых.
Так, наша встреча – в небесах,
И за спиною – два незримых

Крыла!..

Вокзал. Немая мгла.
Путь на табло?.. – никто не знает.
Звеня монистами, прошла
Цыганка. Хохот отлетает
Прочь от буфетного стола,
Где на стаканах грязь играет.
И волчья песня из угла:
Старик
О Будущем рыдает.

Богоматерь Владимирская. Икона

Очи ее – сливовые.
Руки ее – ивовые.
Плащ ее – смородиновый.
Родина.

И так ее глаза печально глядят,
Словно устали глядеть назад,
Словно устали глядеть вперед,
Где никто-никто никогда не умрет...

А мы все уходим. И мы все – уйдем.
...Лишь одна в Успенском соборе своем
Глядит печально, зная про то,
Что никогда не умрет никто.

«Тяжело спустить с постели ноги странно тело так мало...»

Тяжело спустить с постели ноги странно тело так мало
весит ребра кожа волосы все уже улетело вместо сладости плоти –
горчица морщин убогих Легче пуха облачной взвеси это слово
дойдет ли до Бога Поволочь за собою по полу складки рубахи
дойти до неприбранного стола я века назад молодая была я
забывала о страхе я пела на плахе Люди казнили меня – отлетал
топор ударял стальной молнией в облака Люди мне складывали
костер Ветер стрелял в меня в серебряные виски Я смеялась
я в пляс пускалась я ничего никого не боялась Я с великой
и жаркой силой за костлявую ненависть – царской любовью
платила Себя ломала ломтями горбушками корками раздавала
а мне все было мало тратить себя все было мало И я думала это
щедрое царство мое навеки Растащили меня по костям человеки
Злато разграбили плоть растоптали а хлебную теплую душу –
я еще храню в дырявом младенческом одеяле чтоб не пытали
не бичевали завернула берегу прячу плачу тоской горячей А рот
шевелится это моя молитва Это моя последняя – над глоткой
тьмы – бритва Глядит полночный веселый стол алым вином
в хрустале Светлый Праздник легко идет по земле скорлупа
Пасхальных яиц расписных – радугой вокруг кулича а в кулич
восковой ногой воткнута святая свеча мне со службы детишки
соседские принесли в храм дойти – как до края земли Я глотну
вина отщипну от кулича стану тоньше солнечного луча Я никто я
сегодня ничто нигде ни за чем никого не зрю ничего не вем рубаха
по полу за спиной за пятками тянется как метель Оглянулась ах
не убрала постель ну и пусть это моя колыбель а я живу как в Раю
меня любят те кто умер давно подойду к окну и распахну окно
и в лицо увижу всю жизнь свою И вдохну ветер и ангелов синь
глубоко-глубоко буду пить как холодное детское молоко мятые
простыни сливки и сахар и чайник на огне вскипятить и чай
заварить и чай пить как в блокаду из кружки железной пить
горячим Причастьем глотать последнюю благодать Боже меня
не покинь Боже до конца будь со мной не отверни лица за стеной
плач людей смех детей помилуй мя Боже по велицей милости
Твоей

Мужик с голубями

Мужик с голубями. Мужик с голубями.
Ты жил на земле. Ты смеялся над нами.

Ты грыз сухари. Ночевал в кабаках.
Мешок твой заплечный весь потом пропах.

Носил на груди, на плечах голубей.
Ты птиц возлюбил больше мертвых людей.

Ты больше живых нежных птиц возлюбил.
Ты спал вместе с ними. Ты ел с ними, пил.

Ты пел вместе с ними. Сажал их в мешок.
Их в небо пускал, – да простит тебя Бог.

Последний кусок изо рта им плевал.
Беззубо – голубку – в уста – целовал.

Однажды ты умер. Ты, нищий мужик,
Ты к Смерти-Царице никак не привык.

К богатенькой цаце в парче да в шелках.
И голубь сидел на корягах-руках.

И плакал твой голубь, прекрасный сизарь,
О том, что вот умер Земли Всея Царь.

И Царь Всея Жизни, и Смерти Всея, —
И плакали голуби: воля Твоя.

И бедный, прогорклый, пропитый подвал
Порхал и сиял, шелестел, ворковал,
Крылатой, распятой сверкал белизной —
И Смерть зарыдала о жизни иной,

О чайнике ржавом, о миске пустой,
О нищей державе, о вере святой,

О старом, безумном, больном мужике,
Что голубя нянчил на мертвой руке.

«...МОЯ НЕНАСТНАЯ ПАЛОМНИЦА...»

Нищенке Нижнего Новгорода Елене Федоровне

...моя ненастная паломница
по всем столовкам да по хлебным.
Моя нетленная покойница —
о, в кацавейке велелепной.
Моя... с котомкой, что раззявлена —
нутром – для птиц: там золото крошек!..
Моя Владычица, раздавлена
любовью всех собак и кошек...
Живая, матушка, – живущая!..
Ты днесь во чье вселилась тело?..
С вершок – росточком, Присносущая,
катилась колобком несмелым.
Неспелым яблоком, ежоночком,
колючим перекасти-полем... —
Дитенок, бабушка ли, женушка, —
и подворотней, как престольем!.. —
Ты, нищенка, ты, знаменитая, —
не лик, а сморщ засохшей вишни, —
Одни глаза, как пули, вбитые
небесным выстрелом Всевышним:
Пронзительные, густо-синие,
то бирюза, то ледоходы, —
Старуха, царственно красивая
последней, бедною свободой, —

Учи, учи меня бесстрашию
протягивать за хлебом руку,
Учи беспечью и безбрачию, —
как вечную любить разлуку
С широким миром, полным ярости,
алмазов льда, еды на рынке,
Когда тебе, беднячке, ягоды
кидала тетка из корзинки:
Возьми, полакомись, несчастная!..
А ты все грызла их, смеялась,
Старуха, солнечная, ясная, —
лишь горстка ягод оставалась
В безумной жизни, только горсточка
гранатиков, сладостей, кровинок, —
И плюнул рот, смеясь, косточку
на высверк будущих поминок,
На гроб, на кой люди скинутся —
копейкой – в шапку меховую...

Учи, учи меня кормилица,
ах, дуру, ах, еще живу...

Душа летит над землей. Неоконченная картина

...Прости, прости же, дочь. Ты положила
Туда – с собой – бутылку да икону...
И вот лечу, лечу по небосклону
И плачу надо всем, что раньше было.

И больше до тебя не достучаться.
А лишь когда бредешь дорогой зимней
В дубленочке, вовек неизносимой, —
Метелью пьяной близ тебя качаться.

Я вижу все: какходишь в магазины
И нищую еду кладешь рукою
В железную и грязную корзину,
Плывя людскою гулкою рекою.

Я вижу все – как бьет отравный ветер
Тебя, когда идешь ты узкой грудью
Насупротив такого зла на свете,
Что легче камнем стынуть на распутье.

Я вижу, как – осанистей царицы —
Тыходишь в пахнущие потом залы
Золотоглавой, смоговой столицы,
Которой всех поэтов было мало!

Но слышу голос твой – браваду улиц,
Кипение вокзалов, вой надгробий —
Когда гудишь стихами, чуть сутулясь,
Ты, в материнской спавшая утробе!

О дочь моя! Да ты и не святая.
Клади кирпич. Накладывай замазку.
Пускай, немой, я над землей летаю —
А ты – мои голосовые связки.

Так спой же то, что мы с тобой не спели:
Про бубен Солнца и сапфиры снега,
Про вдовьи просоленные постели,
Про пьяного солдатика-калеку,

Про птиц, что выпьют небеса из лужи,
Пока клянем мы землю в жажде дикой,
Про рубщиков на рынке – и про стужу,
Где скулы девки вспыхнули клубникой,

Про поезда – верблюжьи одеяла
Повытерлись на жестких утлых полках! —
Про то, как жить осталось очень мало
В крутой пурге, – а ждать уже недолго, —

Про то, как вольно я летаю всюду,
Бесплотный, лучезарный и счастливый, —
Но горя моего я не забуду,
И слез, и поцелуев торопливых!

Твоих болезней, скарлатин и корей.
Глаз матери над выпитым стаканом.
Земного, кровавого, злого горя,
Что никогда не станет бездыханным.

И в небесах пустых навек со мною
Искромсанная тем ножом холстина
И мать твоя
над рюмкой ледяною,
Когда она мне все грехи простила.

И только грех один...

Молитва о прощении совершившему зло

Как плиты церковные грязны... Господь,
Владыка, – утешь...

Стоять на коленях – смиряется плоть,
латается брешь.

Пылающий храм – перевернутый чан,
чьи медны бока —

Как волоком тянет меня по свечам,
рекой сквозняка.

Гармошкой хрома небесный сапог
(ночь-вакса-без-глаз!..)

С лодыжки стащил утрудившийся Бог,
над куполом тряс...

Ко тверди дегтярной прибиты с боков
гвоздями из льда

Березы, мохнатей оленьих рогов,
дымов борода:

Козлиная, бесья, монашья, – крути,
злой ветер, в кольцо!..

Да, Волгу по льду мне уж не перейти,
закутав лицо...

Я, грешница, все порешив отмолить,
явилась сюда.

Снег визгнет под валенком – заячья прыть.
Дробится слюда

Церковных окошек – слепых леденцов,
сладимых, цветных...

И я во сиротстве, без дедов-отцов,
у врат ледяных.

Войду. Соль мороза стряхну с голенищ.
Уборщик с метлой,

С ведром жестяным, – что, пронзая, глядишь
седою совой?!..

По белым ступеням, что тверже костей,
чей мрамор щербат,

Взойду – в нищий мир умиленных людей,
что кучно стоят.

Кто шепчет наивно, кто знает канон
и толк в образах,

А кто бедной мышкой молчит, опален
огнями, в слезах...

Облезлое золото да рваный кармин
военных икон —

И Спас так глазами кричит, будто сын
из синих пелен...

Я слышала пули. Я видела смерть.
Бросала на гроб
Земельные комья – морозную медь —
на черный сугроб.
Я рот зажимала от вопля гудка,
боясь вперерез
Железу – сама завопить – на века,
до бездны небес.
Чреватое время откесарить нам
слабо. Скальпель ржав.
Старухи ползут на коленях во храм
по насту держав.
И в душном сиянии сундучных мехов,
среди розанов свеч,
Среди баб мокроглазых в дерюге мешков: богатая печь
Беднейшей, бесстыднейшей, голой земли
пожрала их снедь,
Они ж – на коленях – плывут, корабли —
так страшно глядеть... —
И я поднесу троеперстье к лицу.
И я покрещусь.
И я на колени, невестой к венцу,
во тьме опущусь.
И хладным, тяжелым, чугунным ли ртом, —
о, мой ли?!.. чужой?!.. —
Впечатаю лик свой в углу пресвятом
иконы большой.
От радужных слез – кто там вмазан в левкас,
уж не различу,
Но вбок не запрячу я бешеных глаз,
но вскину свечу —
Над серыми маками козьих платков —
горящим перстом:
Среди горечи, гнева – молюсь за любовь
скулящим щенком,
Среди ярости, яда – пожарищем рта
хриплю тяжело:
Прости, о Господь, и тому, без креста, свершившему зло,
Умывшему руки пахучей водой
из чаши литой
Над миром, где чад и беда за бедой
и кровь под пятой,
Над миром, где вспыхнут дитячьи глаза
на хлеб: укради!.. —
Незрячая, выстывших рек бирюза
на чахлой груди

Восхолмий и падей, где плачет мужик
в сугробе, нагой,
С чернильной наколкой лысый старик,
под звездной слемой.

Ход юродивой Ксении по облакам

По шершам, занозам бревен проведу рукой...
Вот вы, розвальни, какие – Царские Врата:
Там – солома, там – полома, там – полны тоской
Очи голые, нагие, смольные уста.

И в березовые сани сяду, помолясь:
Вы, рыгающие дымом Адские возки!.. —
Расступись!.. – и полечу я в звезды, снег и грязь,
И солома будет точно золота куски!

И, пока лечу я в санках, обозрю прогал,
Где родилась, где крестилась, где метель и мрак,
Где прижался псом бездомным да к босым ногам
В колпачонке с бубенцами – мой Иван-дурак...

И я век, платок суровый, да прошью насквозь:
Костяной, стальной иглою – так обожжена!.. —
Так вобьюсь в березов полоз, да по шляпку гвоздь,
Дщерь воронья, мать сорочья, снегова жена!

Шибче, розвальни, неситесь!.. —
всех перекрешу:
И преступных, и доступных, и в крови по грудь,
Саблезубых и беззубых – всех – до дна – прощу,
Ибо мал, печален, жалок наш по снегу путь.

Наши розвальни кривые, кучеры – кривей,
Наши воры – сапогами – в ребра лошадей,
Но как нищ весь путь наш, люди, во снегах полей,
Но как больно отрываться, люди, от людей.

И машу, машу вослед я лапкою худой,
Лисьей лапой, птичьей цапой, лентою со лба:
Вы запомните мя, люди: в небе – над бедой —
Простовласая комета, горькая гульба.

«Весь век мой высечен. Изрезан до кости...»

Весь век мой высечен. Изрезан до кости.
Передо мной мерцают сани,
Как шуба на снегу.
Народ, прости.
Гляди дегтярными глазами.

Кричала... пела... Нет моей вины,
Что вы в парче, мерлушке и финифти.
Брусчаткою расколотой страны
Вы под ногой меня не сохраните.

Был страшен век. Есть страшен приговор
Ему, распявшему колькраты
Детей и птиц, Дух, Слово и Простор,
В чьи длани вбиты мертвые солдаты.

Я в розвальнях, – а бревна иней скрыл...
Да сиречь: локти, голени и спины... —
Качусь; мохнатый снег – подобьем крыл;
На холоду железом синим стыну.

Прощай, мой век! Проехала твои
Расколы, копи, рудники, болота!
От ненависти Божьей – до любви
Звериной, до соленых ребер Лота!

До челюсти ослиной, коей мы
Врага в жестоких битвах побивали,
От воли неба – до камней тюрьмы,
Где нас пытали, где мы хлеб жевали...

Остались сани! Волка бешеной, народ
Ледово скалится, и пяткой клюкву давит,
И помидоры из бочонка в рот сует,
И на черницу в розвальнях плюет,
И в облаках орлицу славит!

А я?!... – В собачью шубу запахнусь
Потуже; бирюзовый крест запрячу
В межгрудье; шею вытяну, как гусь,
Смотря обочь, шепча опричь, обаче.

И с напряженьем, будто бы суму
На спину взваливая неподъемно,
Я над толпой двуперстье воздыму —

Язык огня – над ночью огромной!

И высвечу! И краденые клады освещу!
И озарю позорные подземья и подвалы!
Перекрещу! Пересвищу! Прощу
Вязанки преступлений небывалых!

Весь дикий, весь великий волчий грех,
От первородства до могилы сущий, —
О, розвальни трясет... – прощаю всех,
Рожденных, и погибших, и живущих!

И на меня так пялятся глаза —
Так тычут пальцы – рты в раззявстве ширят —
И блеет бедной музыкой коза,
И запах гари, и медяшки-гири,

И кошкой – старикашка на снегу... —
Он по зиме – босой, и я – босая...
А кони мчат, и больше не могу,
И вон с земли – в зенит – метель косяя!

И я лечу, откосно, круто – вверх...
Вы с норовом, кудлатые лошадки!..
Буран – острей ножей – в лицо, и смех,
И ягоды червонной выплес сладкий

Под языком!.. и вдаль – по облакам!.. —
И ширирь – по праху, воздуху и пуху,
Белесым перьям, угольным мешкам —
До слепоты, до исступленья духа!

Я в небесах! Я, дура, в небесах!
А вы меня – на черном льду – топтали...
Я бирюза на снеговых цепях,
Я метка на лоскутном одеяле!

На знамени я вашем бахрома!
Запечена я в нищей сайке – гайкой!
И оттого я так сошла с ума,
Что я на ваши звезды лаю лайкой!

И выпрыгну из розвальней! И побегу
Я босиком – по облакам пушистым!
Я умереть могу! Я жить могу!
Я все могу! Я синий камень чистый!

Я крест ваш, яркий бирюзовый крест!
Я к вам из туч свисаю на тесемке —

Вам не схватить! Сухой и жадный жест.
Не перегрызть! Не оборвать постромки!

И платье все в заплатах, и шубняк
Когтями подран, и глаза-колодцы,
И – кто мне в пару?!.. кто из вас дурак?!.. —
Пускай за мной по облакам увьется!

Бегу!.. – древесной тенью на снегах.
Крестом вороны. И звездой в разрывах
Рогожных туч.
И – человеческий страх:
Как в бирюзовых, Божиих мирах,
Как в небе жить?..
Не хлебом... люди живы...

И, облака измеривши пятой,
Смеясь, подпрыгивая, клича, плача,
Прикидываясь грешной и святой,
Кликушей, сойкой, головней горячей,

Все зная, все – что на земле убьют!.. —
Распнут зубами, зраками, плевками!.. —
Танцую в небе, шут, горящий прут,
Салют – над скатертями, коньяками,

Над крыльями духов, над тьмой параш,
Над кладбищами вечных малолеток —
Мой грозный мир, теперь ты не продашь, —
Жестокий пир, дай неба – баш на баш!.. —
Свой синий крест нательный
напоследок.

Птица

Я взмахну камчатной скатертью над столом.
Я Пасхальную скатерть, радуясь, постелю.
На прощальную скатерть поставлю не яства – дом,
Напоследок не налюбуюсь, как все люблю.

Цвета крови вот – яйца, и вот сладимый кулич,
Весь усыпанный сахарной пудрой, подобной звездам...
Вот кагор, и во тьме вина отразится Лик,
Что не выдам, не оболгу, не убью, не предам.

Вот еще год прошел. Отдалился дней голый лес.
Отзвенели зальделье ветки на полночном юру.
И мне все равно, сколько лет назад мой Господь воскрес:
Да, сегодня, воистину, на мощном, теплом ветру.

Я уйду, и мой дом со мною уйдет в заповедье держав.
Ваша мать... дети-внуки, помните, помнить сколь суждено!
А Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ,
И стучусь я, птица, веселым клювом в Пасхальное ваше окно.

Ксения расписывает часовню своею кровью

Я распишу своею кровью
Часовню эту.
Я пьяным богомазам ровня.
На ребрах мета.

Меня во сне пометил Ангел.
Спала на рынке.
Он нож под ребра мне направил
Из-под корзинки.

Нарисовал меж ребер крестик...
Кисть не держала —
А этот крестик будто пестик...
Как Божье жало...

Часовня в пихтах, соснах, елях...
О, Север лютый...
О, Бог, лежащий в колыбели,
Огнем продутый...

Топориком ее сработал
Столь юродивый...
Такой, как я... ружьишко, боты...
Святой, родимый...

Охотник?.. да, в миру животник...
Так – человек...
Так – лысый, сморщенный Угодник
В ограде свечек...

Так – пес людской, и нос холодный,
И воет глухо...
Щеночек, по любви голодный,
Поджато брюхо...

А нимб горит над колкой стрижкой...
Стоит в бушлате,
В болотниках... И я – что мышка
Опричь объятий...

В его часовню я приперлась
Через морозы.
Вела меня и была гордость.
Душили слезы.

Там стены голые... там доски...
Наизготове...
Разрежу руку на полоски
Слепящей крови!

И хлынет кровь на пол дощатый!
И руки вскину!
И напишу Тебя, Распятый!
Твою судьбину!

Солдат, в снегу игравших в кости!
Мать в черном, вечном!
И Магдалину на погосте —
С огнем заплечным...

Моя часовня! Роспись – кровна!
Восстань, усопший!
Я пьяным богомазам ровня!
Рот пересохший!

Придут наутро. Схватят. Свяжут.
Заарестуют.

...Но кто – всей кровию замажет
Всю – Кровь!.. – святую...

Ксения на фреске

*...Там бесы Адовым покойникам —
Льют в глотки татям и разбойникам
Расплавленное серебро;*

*А я?! Чем провинилась, Господи?!
Одним лишь поцелуем – горечью
Спалившим голое нутро.*

*Одним объятием торжественным,
Где не мужчина и не женщина —
Две железяки запеклись,*

*Те два гвоздя с Кургана Лысого,
Кровь по сугробам – зверья, лисова...*

*...На фреске, грешница, меж рисинами
Огня, между котлами, крысами,
Кричу, подъяв лицо неистовое:
«Ты моя жизнь.
Ты моя жизнь.»*

Молитва о плавающих и путешествующих

О серая река, соболя шкура,
Заиндевелый грязный горностаи...
В дырявом рубище, под снегом, дура,
Благословляю мой железный Рай.

Сижу я на горе. А снег столь кротко
Целует щеки мне, дрань пальтеца...
И я рукою – высохшей селедкой —
Касаюсь мощи Зимнего Лица.

О Зимнее Лицо! – кирпичный сланец,
И слезы рек по скулам ледяным,
Олений стланик, кварцевый румянец,
Огни песков, неопалимый дым —

А я гляжу с бугра – слезятся очи
От нефтяных, что лисий хвост, костров:
Закат застыл, недолго до полночи,
Небес могильный ров

Распахнут, вырытый жестоким Богом, —
Но смерти не боюсь,
А здесь, на холоду, в миру седом, убогом,
Я – за живых молюсь!

За тех, кто жемчуга на леску нижет,
Стегает мех для стуж.
За тех, кто во пурге друг другом дышит —
За вас, жена и муж.

За крох замурзанных, за пацанву ржаную
В мазуте и соплях!.. —
Но ярче, свыше всех – за вахту ледяную
На одиноких зимних кораблях.

Да, так! – за странников, чьи злые лица
Улыбкой ураган сечет;
За вас, взрезающих засохлый хлеб столицы,
Вокзальный пьющих мед;
За прянувших в погибельны пространства,
Где жгучий стук колес да лай собак —
Кровавый крест невидимого братства,
Всевидящего ока красный зрак!

За вас, кто волю разрезает грудью,

В тюрьму любви отчаянно летя! —
Злаченым шпилем мерзнет на безлюдья,
И подаянья просит, как дитя, —

За всех, за всех, кто плачет! – но, глотая
Соль, скуровицу, вьюг змеиный яд,
Идет вперед, посмертный шаг верстая,
Но не пойдет назад, —

Молюсь!

...плывите, веруйте, любите.
Идите напролом.
Ветшает жизнь. Горят и рвутся нити.
Горит обжитый дом.

А я сижу над серою рекою,
Над волчьей, вьюжно воющей землей,
Благословляя тонкою рукою
Всех, кто плывет в земной ладье со мною
И в лунной, поднебесной, – надо мной.

Ксения Блаженная (Петербургская)

*...Ох, ласточка, Ксеничка,
Дам Тебе я денежку —
Не смети-ка веничком,
Куда ж оно денется,
Траченное времячко,
Куда задевается —
Милостынька, лептушка:
Ксеньей прозывается —
Тише!.. – наша смертушка...*

...Я не знаю, сколь мне назначено – сдюжить.
Сколь наежено – стыть.
Как в платок после бани, увязываюсь во стужу
И во тьму шагаю: гореть и любить.

От Земли Чудской до Земли Даурской
Линзой слезной меряла гать...
Ан как вышло: Ксенькою Петербургской
На кладбище чухонском внезапно – стать.

Спать в болезных платках под глухим забором.
Хором выплакать – бред
Одинокий. И пить самогонку с вором,
Ему счастья желая и много лет!

И везде – ах, охальница, Охта, стужа,
Плащаница черного Судного Дня!.. —
Появляться в залатанном платье мужа,
Да не мертвого, а – убившего мя.

Помню, как хрипела. Как вырывалась —
Языками огня —
Из клещей, не знавших, что Божья Жалость
Воскресит, охраня.

И когда... очухалась, – вся в кровище!..
Доски пола в разводах струй... —
Поняла: о, каждый живущий – нищий,
Всякая милостыня – поцелуй.

И с тех пор как бы не в себе я стала.
Вся пронзенная грудь.
Завернула в верблюжье отцовое одеяло
Кружку, ложку, ножик, – и в путь.

Посекает мя снег. Поливают воды

Поднебесных морей.
Мне копейку грязные тычут народы.
Вижу храмы, чертоги царей.

От Земли Чудской до Земли Даурской
Вижу – несыть, наледь и глад.
Вот я – в старых мужских штанах!..
Петербургской
Ксеньи – меньше росточком!.. а тот же взгляд...

Та же стать! И тот же кулак угрюмый.
Так же нету попятной мне.
Так же мстится ночью: брада батюшки Аввакума —
Вся в огне, и лицо – в огне.

Мстится смерть —
крестьянской скуластой бабою
в белом,
Словно заячьи уши, белом платке...
А мое ли живое, утлое тело —
Воровская наколка на Божьей руке.

И все пью, все пью из руки Сей – снега
Да дожди; как слезы людския, пью.
А когда увезут меня на скрипучей телеге —
Я сама об том с колокольни пробью

В дикий колокол, бедный язык богатого храма
Богородицы,
что близ зимней Волги – убитый медведь...

И в гробу мои губы разлепятся: «Мама, мама,
Божья Мать, я намерзлась в міру, как тепло умереть.»

И нетленные кости мои
под камнем
все, кому выпало лютой зимой занедужить,
Будут так целовать,
обливать слезами,
любить!..

...Я не знаю, сколь мне назначено – сдюжить.
Сколь нацежено – стыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.